

ТАЙНЫЕ ПИСАНИЯ ПЕРВЫХ ХРИСТИАН

II. ПЕРВЫЕ ХРИСТИАНСКИЕ ОБЩИНЫ

Кумранская община и христиане

Своими корнями христианство уходит в учения иудейских религиозных сект. Иудея на рубеже нашей эры находилась под властью Рима. Хотя некоторые внутренние вопросы, прежде всего судебные и религиозные, решало жречество Иерусалимского храма и синедрион¹, все действия местных властей находились под политическим и военным контролем римлян. Римские императоры посылали в Иудею своих представителей — прокураторов. Некоторые соседние с Иудеей области Палестины, например Галилея, управлялись ставленниками из местной знати. Таким ставленником Рима был и упоминаемый в Новом завете правитель (тетрарх) Галилеи и Переи Ирод Антипа.

Вторая половина I в. до н. э. и весь I в. н. э. были временем непрерывных выступлений народных масс Иудеи и против римского владычества, и против верхов иудейского общества, поддерживавших римлян. Большинство народных движений проходило под религиозными лозунгами: иудеи надеялись на приход помазанника божия — мессии, который поможет им освободиться от власти чужеземцев. Среди разных групп, ожидавших прихода мессии, были и такие, которые оказали на будущее христианство самое непосредственное воздействие.

Ф. Энгельс в своей работе «К истории первоначального христианства» указывал, что новые открытия на Востоке, в Риме и в Египте помогут в вопросе возникновения христианства «гораздо больше, чем какая угодно критика»². И действительно, археологические открытия середины нашего века дали возможность говорить о связи первоначальных христианских идей с идеями небольшой религиозной секты, существовавшей в районе Мертвого моря (территория современной Иордании) со II в. до н. э. по 68 г. н. э., когда она была вытеснена оттуда римлянами во время подавления крупнейшего антиримского восстания.

В 1947 г. арабскими пастухами были случайно найдены фрагменты

¹ Синедрион — орган внутреннего управления с некоторыми судебными и политическими полномочиями. В него входили жрецы и представители светской знати. Во главе синедриона стоял первосвященник Иерусалимского храма.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 22, с. 474.

рукописей, спрятанных в одной из пещер местности Вади-Кумран³. С этого времени в прилегающих местностях проводятся исследования и раскопки. Здесь найдено множество фрагментов рукописей и несколько полных сочинений. Раскопаны поселения сектантов в местности Хирбет-Кумран. Жители поселений составляли религиозную общину. Члены ее удалились от мира в Иудейскую пустыню. Они не признавали власти и авторитета иудейских первосвященников и называли свою общину Новым союзом — новым союзом с богом, поскольку в их представлениях старый союз, закрепленный в Библии, был нарушен иудейским жречеством и вообще сторонниками ортодоксального иудаизма.

В основе учения кумранской общины лежало представление о непримиримой борьбе добра и зла, борьбе «сынов света», как называли себя кумраниты, с «сынами тьмы». Они верили, что в последней решающей схватке между «сынами света» и «сынами тьмы» примут участие космические духи добра и зла, ангелы и сатана. «Сыны света» в конце концов должны победить, а их враги должны быть наказаны. В кумранской рукописи «Устав войны» говорится, что после победы «в руки бедняков передашь ты врагов всех стран, в руки склоненных к праху (предашь их), чтобы унижить могущественных из народов, чтобы воздать воздаяние нечестивцам...». В ожидании этих последних битв «сыны света» жили замкнутой общиной. Они ввели общность имущества, совместный труд, осуждали рабство. Основатель общины назван в рукописях Учителем праведности. В них рассказывается, что он подвергался преследованиям со стороны «нечестивого жреца» (установить конкретно, какие именно исторические лица имеются здесь в виду, пока не удается).

Цель, к которой стремились члены кумранской общины, заключалась в том, чтобы подготовиться к решающей схватке с «сынами тьмы» — носителями злого начала. Зло в мире мыслилось ими как присущее всем народам стремление к обогащению и угнетению других народов. Жители Кумрана, выступая против угнетения и богатства, называли себя не только «сынами света», но и «общинной бедных», «простецами», бедняками. Так впоследствии называлась и одна из иудео-христианских групп — «эвионим» (в греческой передаче — эбиониты).

Кумранская община очень близка секте ессеев, о которой сообщают древние авторы. Так, римский ученый (I в. н. э.) Плиний Старший писал, что ессеи — «племя уединенное и наиболее удивительное во всем мире: у них нет ни одной женщины, они отвергают плотскую любовь, не знают денег и живут среди пальм. Изо дня в день число их увеличивается за счет утомленных жизнью пришельцев, которых волны фортуны влекут к обычаям ессеев»

³ Произведения кумранской общины в русском переводе опубликованы в изданиях: *Амусин И. Д.* Тексты Кумрана. М., 1971; в отрывках — *Старкова К. Б.* Литературные памятники кумранской общины. — Палестинский сборник. Л., 1973, вып. 24/87.

(«Естественная история», V, 17, 73). Но попасть в общины ессеев было не так просто: община носила замкнутый характер, необходимо было пройти своего рода «послушание», чтобы стать полноправным ее членом.

Изолированность и замкнутость ессеев была естественным следствием тех идеалов, которые они пытались воплотить в жизнь: отказ от частной собственности, обязательное участие в труде, коллективный быт. Эти принципы находились в коренном противоречии с отношениями, господствовавшими в окружающем их обществе, где люди были разделены на рабов и свободных, на эллинов и варваров, на иудеев и неиудеев, где развитие товарно-денежных отношений способствовало обогащению одних и обнищанию других, где классовые, сословные, этнические предрассудки прочно вошли в психологию подавляющего большинства людей. В этих условиях есеевский «эксперимент» мог быть осуществлен только вне общества, в полной изоляции от него, и каждый новый член общины должен был подвергаться тщательной проверке, воспитываться и перевоспитываться.

Изоляция от общества не могла означать независимость от него. Реального полного равенства среди кумранитов не существовало: общиной управляли жрецы, «младшие» подчинялись «старшим» (старшими назывались полноправные члены общины). Без строжайшей дисциплины и постоянного контроля над основной массой членов кумранской общины невозможно было сохранение изолированности — и общественной, и духовной. В уставе, найденном среди рукописей Мертвого моря, сказано: «В каждом месте, где будет десять человек из общего совета, пусть неотступно будет с ними кто-нибудь из жрецов... И в месте, где будет десять человек, пусть неотступно будет изучающий Учение...»

Идеология, некоторые черты организации и обрядности кумранских ессеев⁴ оказали влияние на формирование первоначального христианского мировоззрения. Ученые отмечают многочисленные терминологические и фразеологические совпадения в кумранских рукописях и сочинениях первых христиан. Одни и те же ветхозаветные цитаты приводятся и в той и в другой литературе. Выражение «сыны света» встречается в новозаветных сочинениях, например: Лука, 16:8, где «сыны света» противопоставляются «сынам сего века»; Иоанн, 12:36: «Доколе свет с вами, веруйте в свет, да будете сынами света». Слова «нищие», «бедняки» очень часто упоминаются в христианских произведениях; возможно, в ряде случаев это не просто социальное понятие, а самоназвание христиан.

Ряд наиболее ранних христианских обрядов, по-видимому, связан с

⁴ Существовало несколько есеевских общин, отличавшихся друг от друга по своей организации. Так, в общине, чья организация отражена в так называемом Дамасском документе (также обнаруженном среди кумранских рукописей), разрешалось вести свое хозяйство и владеть личным имуществом.

обрядами кумранитов. Так, у последних существовало ритуальное омовение⁵, во время которого, по их учению, должно было происходить духовное очищение. Благословение хлеба Иисусом на тайной вечере восходит к описанию мессии в одной из кумранских рукописей: «Мессия Израиля протянет вперед руки над хлебом, и после того, как он даст благословение, вся община примет участие...» Запрет заниматься торговлей, существовавший у ессеев, выражен в Новом завете словами: «Не берите с собою ни золота, ни серебра, ни меди в поясы свои...» (Матфей, 10:9). Представление о двух путях — «пути света» и «пути тьмы» — отражено в неканоническом произведении Дидахе.

Элементов сходства между идеологией кумранской общины и ранним христианством можно назвать немало, но не менее важными представляются отличия христианского вероучения от идеологии ессеев. Основным отличием новой проповеди была вера в то, что мессия уже приходил в этот мир и что мессией был Иисус. Характерным для христиан с самого начала существования их как обособленной секты был отказ от чрезмерной замкнутости, свойственной кумранской общине. Устав кумранитов не разрешал сообщать их учение «людям кривды». Попасть в общину было трудно. В уставе специально оговорены правила приема в члены общины. Кандидаты проходили собеседования, обучение; испытательный срок составлял два года. В новозаветных же евангелиях встречаются призывы, которые звучат как прямая полемика с этими установлениями. Так, в Нагорной проповеди сказано: «Вы — свет мира. Не может укрыться город, стоящий на верху горы. И, зажегши свечу, не ставят ее под сосудом, но на подсвечнике, и светит всем в доме» (Матфей, 5:14—15). Слова «Вы — свет мира» перекликаются с самоназванием кумранитов. Похожие слова есть и в Евангелии от Марка: «...для того ли приносится свеча, чтобы поставить ее под сосуд или под кровать? не для того ли, чтобы поставить ее на подсвечнике?» (4:21). Никакой организации, никакого приема в «ученики» евангелия не описывают: Иисус по пути своего странствования просто «призывает» учеников, и те, бросив свои занятия, следуют за ним (см. Марк, 1:16—20).

Существенные отличия от кумранского учения проявились в христианской проповеди любви к ближнему: в уставе кумранитов сказано, что члены общины должны любить всех «сынов света» и ненавидеть всех «сынов тьмы», «каждого по его преступлению сообразно с отмщением бога». В Новом завете, напротив, содержатся призывы любить врагов и благословлять «ненавидящих нас», которые, по существу, означали разрыв с общепринятыми этическими нормами, в том числе и с нормами древних религий и обычного права (сохранявшего воспоминания о некогда господствовавшем принципе «око за око» и «зуб за зуб»), и в то же время

⁵ Христианское крещение, хотя и восходит к кумранским обрядам, в отличие от них акт единичный и имеет иной мистический смысл — приобщение к Христу.

требовали от последователей христианского учения неисполнимого религиозного подвига.

Нужно отметить, правда, что эта проповедь первоначально не носила всеобщего характера и не все «ближние» подходили под нее. В Нагорной проповеди, согласно Евангелию от Матфея, Иисус предостерегал от лжепророков, говоря: «Не может дерево доброе приносить плоды худые, ни дерево худое приносить плоды добрые. Всякое дерево, не приносящее плода доброго, срубают и бросают в огонь» (7:18—19). С этим перекликается и угроза гибели, высказанная в конце проповеди и адресованная всем тем, кто не последует истинному учению («построившим дом на песке»). Верующие предупреждаются, чтобы они не давали святыни псам и не бросали жемчуга перед свиньями. Резкое отношение к не признающим новое учение, стремление «охранить» святыню (т. е. учение) было, по-видимому, отголоском ессейского мировоззрения. Возможно, и братья, к любви и миру с которыми настойчиво призывает Нагорная проповедь («всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду». — Матфей, 5:22), — это прежде всего братья по вере, члены одной религиозной общины⁶. Те же, кто не разделяет их веры, — все эти «псы», «свиньи», «лжепророки» находятся вне моральных норм, проповедуемых новым учением. Лишь когда христианство переросло узкие рамки сектантства и распространилось в новой этнической среде, призывы к любви и братству получили иное, более общее и более абстрактное истолкование.

Отличием христианства было и его обращение ко всем калекам, больным, обиженным не только в социальном смысле, но и физически. Кумраниты же считали, что больные и убогие могут их осквернить. Это отличие было связано, как мы постараемся показать дальше, со своеобразной реакцией христиан на эстетические и этические ценности античного мира. И конечно же никогда в ессейских общинах, которые считали себя носителями подлинной, чистой иудейской веры, не мог зародиться принцип, сформулированный Павлом в его посланиях, о равенстве всех народностей перед богом («нет ни эллина, ни иудея...»).

Разумеется, мы перечислили не все черты сходства и отличия между христианством и ессейством, но даже из сказанного видна сложность взаимоотношений этих двух учений. Трудно определить, когда именно проявились эти черты сходства и отличия. Новозаветный Иисус в целом представляется более близким к ортодоксальному иудейству, чем кумраниты. Возможно, именно после гибели Иисуса его ученики и последователи в ожидании скорого второго пришествия своего мессии восприняли целый ряд мессианистских чаяний ессеев. Представляется вероятным, что с кумранским движением был связан Иоанн Креститель и воздействие ессеев на первых

⁶ Братьями часто именовали себя и члены так называемых языческих религиозных объединений.

христиан шло через его проповеди и проповеди его сподвижников. Но здесь мы уже вступаем в область догадок... Важно иметь в виду, что, зародившись под сильным влиянием иудейского сектантства, христианство затем приобрело новые черты, которые способствовали его распространению в разных странах и областях, входивших в Римскую империю.

Процесс становления христианства как особого учения шел постепенно. Одни группы христиан принимали одно, другие — другое утверждение или религиозное предание, спорили, заимствовали, отвергали... Мы не имеем возможности здесь подробно останавливаться на достоверности персонажей, стоявших, согласно Новому завету, у истоков христианского учения. В науке существуют разные точки зрения по этому поводу⁷. Хочется заметить только, что, несомненно, должны были существовать люди, первыми произнесшие те проповеди, которые легли в основу будущей христианской религии.

Об одном таком проповеднике, Иоанне Крестителе, мы знаем не только из евангелий, но и из произведения иудейского писателя I в. Иосифа Флавия. Он говорит, что Иоанн был казнен римским ставленником, правителем Галилеи Иродом, так как тот «стал опасаться, как бы его (т. е. Иоанна. — *И. С.*) огромное влияние на массу, вполне подчинившуюся ему, не повело к каким-либо осложнениям» («Иудейские древности», XVIII, 5, 2). Подобных проповедников было много. Тот же Флавий рассказывает о пророке Февде, утверждавшем, что река Иордан расступится перед ним, и о пророке из Египта, собравшем на горе вокруг себя несколько тысяч человек (они были растоптаны римскими легионерами). В «Иудейских древностях» Иосифа Флавия упоминается и Иисус. В XX книге писатель говорит о казни Иакова, «брата Иисуса, называемого Христом». В другом месте (в XVIII книге) об Иисусе рассказывается подробнее, однако подлинность этого места вызывала у ученых сильные сомнения. Дело в том, что там говорится о воскресении Иисуса, причем Иисус назван мессией. Всего этого не мог написать иудей, не разделявший христианского учения, а именно таковым и был Иосиф Флавий. Одни ученые считали это место с начала до конца вписанным каким-то христианским переписчиком, другие полагали, что оно было таким переписчиком отредактировано и что в основе его все-таки лежал какой-то рассказ об Иисусе. Сравнительно недавно был обнаружен арабский перевод «свидетельства Иосифа Флавия» об Иисусе. Этот перевод содержится во «Всемирной хронике» египетского епископа Агапия, написанной в X в. для христиан, говоривших по-арабски. Среди многих прочих цитат в ней приведен и отрывок из XVIII книги «Иудейских древностей». В нем речь тоже идет об Иисусе, но этот отрывок отличается от того, который дошел до нас в греческих рукописях (произведение Иосифа Флавия было написано по-гречески или переведено на греческий под его руководством).

⁷ Точка зрения тех ученых, которые выступают против исторического существования Иисуса, раскрыта в книге И. А. Кривелева «История религий». М., 1975, т. 1.

В рукописи Агапия воскресение Иисуса представлено не как действительный факт, а как рассказ его учеников. Здесь нет категорического утверждения, что Иисус был мессией. Из отрывка, содержащегося в рукописи Агапия, прямо следует, что к смерти Иисуса приговорил Пилат, прокуратор Иудеи. Этот отрывок ближе по духу ко всему произведению Иосифа Флавия, чем греческий вариант «свидетельства». Ясно, что христианский епископ, если бы он знал другой текст Иосифа Флавия, где утверждается божественность Иисуса, предпочел бы привести этот текст. Но, вероятно, в распоряжении Агапия оказался древний список «Иудейских древностей», которого не коснулась рука христианского переписчика⁸.

В нехристианских источниках II в. также есть упоминание о Христе. Цельс приводит даже его биографию, распространяемую иудеями. Согласно этой биографии, Иисус был незаконным сыном бедной пряжи Марии и римского солдата по имени Пантера. Степень достоверности этих фактов установить сейчас не представляется возможным. Но, как пишет польский писатель Зенон Косидовский, «нет никаких логических причин отрицать историчность Иисуса, поскольку в Палестине того времени подобного рода бродячие проповедники, пророки и мессии были обыденным явлением»⁹.

Иисус был подвергнут самой позорной казни — распятию на кресте, к которой римляне приговаривали рабов и повстанцев. Сам характер казни поставил его в один ряд с обездоленными, отринутыми обществом людьми и привлек этих людей к его учению. Вокруг образа Иисуса стали возникать легенды, где реальные события переплетались с вымыслом. Вера в воскресение Иисуса становится основой религиозной проповеди его экзальтированных последователей. Первые проповеди сторонников нового учения не содержали никакой сложной религиозной догматики, они сводились к рассказу о том, «как бог духом святым и силою помазал Иисуса из Назарета, и он ходил, благодворя и исцеляя всех, обладаемых диаволом... и что наконец его убили, повесив на древе¹⁰. Сего бог воскресил в третий день, и дал ему явиться не всему народу, но свидетелям, предъизбранным от бога...». Эти слова вложены в уста апостола Петра в Деяниях апостолов (10:38—41). От данной проповеди до оформления мировой религии прошло более двух столетий ожесточенной борьбы внутри христианства, преобразований, компромиссов, приспособления к окружающему миру и влияния на него... Для того чтобы понять этот процесс, нужно представить себе те условия, в

⁸ Подробно с этим отрывком, а также с обстоятельствами открытия рукописи Агапия можно ознакомиться по статье И. Д. Амусина «Об одной забытой публикации тартуского профессора Александра Васильева» (Ученые записки Тартуского университета. Тарту, 1975, вып. 365).

⁹ Косидовский З. Сказания евангелистов. М., 1979, с. 233.

¹⁰ В греческом подлиннике — «повесивши на столбе». Вероятно, здесь имеется в виду тот способ казни (распятие), когда осужденного за руки привязывали к кресту, сделанному в виде буквы «т». Именно такую казнь применяли римляне.

которых он протекал, условия жизни в Римской империи I — начала II в.

Обстановка в Римской империи в I в.

К началу I в. римляне покорили огромную территорию, охватывавшую все Средиземноморье и значительную часть Европы. Вторая половина II и почти весь I век до н. э. в римском государстве были заполнены острыми социальными и политическими столкновениями. Это был период так называемых гражданских войн. В Италии скопились массы рабов, происходило разорение крестьянства. Органы управления, сложившиеся, когда Рим был сравнительно небольшим городом-государством, не могли обеспечить порядок и сколько-нибудь стабильное положение в огромной державе. Фактическая власть в Риме была сосредоточена в руках небольшой группы знати, которая занимала высшие должности в государстве и заседала в сенате — самом важном органе управления, членство в котором было пожизненным. Сенаторы представляли интересы узкого слоя господствующего класса римского государства. Но и между ними не было единства. История Рима этого периода наполнена борьбой за власть знатных родов, соперничеством отдельных кланов внутри сената.

Естественно, что такая власть не могла справиться с охватившими государство волнениями: восставали рабы, крестьяне боролись за землю, покоренные Римом области (провинции) — за освобождение от власти Рима, самые разные слои римского населения — за расширение народоправства. Вот как описывает римский историк Саллюстий положение в римской республике во время гражданских войн: «Произволом горстки людей вершились мир и война, одни и те же руки держали казначейство, провинции, высшие должности, славу, триумфы, а народ изнемогал под бременем военной службы и нужды. И в то время, как командующие со своими приближенными расхищали добычу, солдатских родителей и малых детей сгоняли с насиженного места, если случался рядом сильный сосед.

Так бок о бок с мощью явилась алчность, безмерная и ненасытная, она сквернила и крушила все, ни о чем не тревожилась и ничем не дорожила, пока сама не сломала себе шею».

В результате длительной и ожесточенной борьбы власть старой знати была сломлена, но вместе с ней погибла и республика. Последним этапом гражданских войн в римской державе была борьба за единоличную диктатуру отдельных полководцев.

В 40-е годы I в. до н. э. выдающийся военачальник и политический деятель Гай Юлий Цезарь, победив своих соперников, стал диктатором в Риме. Но его правление продолжалось недолго: он был убит сторонниками старой, сенатской республики. Однако и после этого убийства продолжалась борьба за единоличную власть. Победителем в этой борьбе вышел внучатый

племянник Цезаря — Октавиан, получивший почетное прозвище Август (эпитет, употреблявшийся по отношению к божеству) и титул императора (императором первоначально назывался победоносный полководец). По существу, была создана особая форма монархии, опирающейся на военную силу, — империя. Исторической задачей, стоявшей перед империей, было создание политической системы, соответствующей потребностям огромной средиземноморской державы, интересам господствующего класса всех областей, входивших в ее состав.

Сохраняя старые республиканские должности, императоры создавали свой централизованный аппарат управления, к службе в котором привлекались незнатные жители Италии, вольноотпущенники, а также жители провинций. Таким образом, длительная социальная и политическая борьба закончилась не демократизацией римского государства, а созданием своего рода военной диктатуры. Но императоры не провозгласили себя царями: идея монархии была еще неприемлема для римлян того времени, привыкших считать себя, невзирая на все фактические различия в положении, равноправными гражданами города-государства. В античном мире традиции полиса — гражданской общины — были слишком сильны, чтобы ими можно было пренебречь. Императоры считали себя (и внушали это своим подданным) не царями, а «первыми гражданами», а свою власть — не отрицанием, а продолжением республики — «общественного дела» (дословное значение латинского *res publicae*). Они не уничтожили выборных органов, но фактически поставили их под свой контроль, поскольку сосредоточили в своих руках и военную власть, и ряд гражданских должностей, на которые неоднократно «выбирались».

Для ранней империи характерен противоречивый характер власти принцепсов (как официально называли себя императоры I—II вв.), говоривших о возвращении свободы «республике, угнетенной заговорами и распрями» (слова из политического завещания Августа) и правивших, опираясь на военную силу. Законный путь передачи власти от одного императора к другому отсутствовал. Прямое наследование власти не могло быть открыто провозглашено, так как формально сохранялась республика. В то же время невозможно было выбирать правителей, так как фактически она была уничтожена. Неудивительно, что в этих условиях императоры применяли насилие по отношению и к своим возможным соперникам, и к сторонникам республики. Время правления преемников Августа, императоров из династии Юлиев-Клавдиев, заполнено политическими процессами, казнями, тайными убийствами. Ф. Энгельс, говоря об этом периоде римской истории, подчеркивал, что по отношению к государству, т. е. к императору, свободные люди были почти так же бесправны, как рабы по отношению к своим господам. «Материальной опорой правительства было войско, которое гораздо более походило уже на армию ландскнехтов, чем на старое римское крестьянское войско, а моральной опорой — всеобщее убеждение, что из

этого положения нет выхода, что если не тот или другой император, то основанная на военном господстве императорская власть является неотвратимой необходимостью»¹¹.

Противоречия между внешними формами жизни и их содержанием были присущи не только Риму и Италии, но и провинциям. Остановимся прежде всего на восточных провинциях, где христианство появилось раньше и где, по-видимому, и была создана основная апокрифическая литература.

Во II—I вв. до н. э. попытки жителей Азии и Греции освободиться от римского господства кончились разгромом восставших и жестоким наказанием целых городов, принимавших участие в восстаниях. В период борьбы римских полководцев за власть восточные районы становились ареной военных действий. Полководцы грабили эти районы, чтобы пополнить свои денежные и продовольственные ресурсы. Если какой-либо город, часто вынужденно, оказывал поддержку полководцу, потерпевшему затем поражение, то ему грозила расправа со стороны победителя. Но грабили и разоряли не только военачальники. Наместники и сборщики налогов опустошали некогда богатые восточные области не меньше, чем проходившие по ним войска. Римские власти по своему произволу перекраивали городские территории. Там, где затрагивались их интересы, они не считались ни с местным самоуправлением, ни с местными правовыми традициями.

После установления централизованной власти жизнь в провинциях стала упорядочиваться. Складывается определенная система внутреннего деления империи, имперский аппарат управления. Императоры посылали в провинции своих представителей, которые следили за сбором налогов в казну, за действиями наместников провинций, как правило происходивших из знати. Прокураторы подбирались из людей незнатных, зависящих от милости императора и готовых безоговорочно выполнить любые его приказы.

В первые века нашей эры восточные провинции постепенно восстанавливались после опустошительных войн и грабежей предшествующего периода. Единая золотая и серебряная монета (местные центры могли чеканить только мелкую медную монету), прекрасные дороги, строившиеся римлянами во всех частях империи, позволяли развивать широкие торговые связи. В городах Востока возводились новые общественные здания, площади украшались статуями богов и императоров. Во время пышных празднеств устраивались общественные пиры, на которые допускались самые разные группы городского населения, иногда даже рабы.

Но за всем этим скрывались глубокие политические и социальные противоречия. На землях императоров, городов, частных лиц жили земледельцы-общинники и арендаторы, платившие подати владельцам земли. Особенно трудным было положение земледельцев в имениях императоров: сборщики налогов обирали их, брали взятки, заставляли подчас работать на

¹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 310—311.

себя. В городских ремесленных мастерских и на рудниках использовался труд рабов. Работа на рудниках была исключительно тяжелой, поэтому она служила формой наказания за особо тяжкие преступления. Наряду с рабами в ремесле работали и свободные. Они, как правило, объединялись по профессиям: портные, валяльщики шерсти, ткачи и т. п. Такие объединения назывались коллегиями. Коллегии существовали с разрешения и под контролем властей; деятельность их была ограничена религиозными и благотворительными целями. Свободные ремесленники также испытывали на себе гнет налоговой системы и произвол властей.

Простой люд восточных провинций страдал от двойного ига — провинциальной знати и римских властей. Провинциалы имели право предъявлять обвинение в злоупотреблениях наместникам провинций, но исход такого дела, разбиравшегося римским сенатом, часто бывал не в пользу истца. Известно, например, что одна из малоазийских провинций добивалась от наместника возвращения незаконно присвоенных им денег, но, как пишет историк Тацит, «давление покровительствовавших ему оказалось столь могущественным, что некоторые из его обвинителей были наказаны ссылкой, как вознамерившиеся погубить ни в чем не повинного человека» («Анналы», XIII, 33).

Общественная деятельность в провинциальных городах сводилась к восхвалению императоров, празднованию их дней рождения и т. п. Даже во время празднеств в честь традиционных божеств — покровителей города проносили изображения императоров. Народные собрания практически не играли никакой роли. Римляне, не являясь гражданами провинциальных городов, занимали в них более привилегированное положение, чем граждане. Римляне разрушали местные традиции, в том числе и религиозные. Поэтому в выступлениях против римлян часто звучали требования и политической свободы, и религиозной независимости. Первый век нашей эры — век зарождения христианства — знает несколько крупных восстаний в провинциях — в Галлии, Британии и особенно мощное в Иудее в 66—73 гг.

Восстания в провинциях оканчивались поражениями. После разгрома иудейского восстания 66—73 гг. был разрушен Иерусалимский храм — главная святыня иудеев — и на территории города разместился римский легион. Огромное количество людей было продано в рабство. На всех иудеев, живших в различных областях империи, была наложена особая подать в пользу Юпитера Капитолийского.

В первые века нашей эры империя казалась незыблемой: не было ни внешнего, ни внутреннего врага, который мог бы поколебать могущество огромной державы, простиравшейся от Британии до Египта. Идеологическим выражением единства и могущества империи был культ императора, насаждавшийся по всей территории римского государства.

Религиозные поиски

Кульτ императоров начал складываться уже в период правления Августа. Обожествление носителей верховной власти служило идеологическим выражением новой формы правления, основанного, согласно официальной доктрине, не на наследственном праве, а на личном авторитете правителя, авторитете, признанном римским сенатом и народом. Социально-психологическим фоном, способствовавшим появлению этого культа, была надежда народных масс на лучшее будущее, которое наступит с помощью могущественного «спасителя». Наиболее удачливые полководцы в глазах масс представляли людьми, наделенными сверхъестественной силой. Много легенд породила судьба Юлия Цезаря, убийство которого послужило сигналом для новых военных столкновений и расправ. Кто-то из участников похорон Цезаря утверждал, что он собственными глазами видел, как душа Цезаря вылетела из тела и отправилась на небо. Когда во время игр, устроенных в память Цезаря, на небе появилась комета, то, как пишет один из биографов Цезаря — Светоний, «все поверили, что это душа Цезаря, вознесенная на небо». Гибель убийц Цезаря приписывалась мести его гения-хранителя. Таким образом, психологическая почва для его обожествления была подготовлена. По предложению наследника Цезаря — Октавиана Цезарь был объявлен богом.

При правлении Октавиана Августа начинает создаваться культа гения императора, в котором были использованы древние римские представления о личных гениях-хранителях. Гений императора представлялся теперь не просто его хранителем, а некой высшей силой, вдохновляющей императора на все поступки. Гению императора стали воздвигаться храмы. При преемниках Августа стало обязательным поклонение статуям императоров, дни их рождения отмечались как официальные празднества. В честь императоров устраивались особые игры. Наиболее популярные традиционные празднества в провинциях в честь местных богов стали празднествами и в честь императора (например, столь любимые греками празднества в честь бога Диониса стали теперь называться Дионисии Цезареи). Если жители провинций хотели создать объединения почитателей какого-либо местного бога, они при этом должны были объявить себя и почитателями императора. В официальных постановлениях городов императоры назывались спасителями — спасителями мира, спасителями всего человеческого рода, правителями мира. Эти определения призваны были создать представления о всемогуществе и всеобщности императорской власти.

Первоначально объявлялись богами только умершие императоры, но постепенно обожествлять стали и правящих императоров (а не только их гениев). Началось это в восточных провинциях, где представление о божественности царей имело глубокие исторические корни (обожествлялись фараоны Древнего Египта, а после греко-македонского завоевания как

божество почитался Александр Македонский). Но если при своем зарождении императорский культ опирался на древние религиозные традиции, использовал надежды народов на появление сверхъестественного спасителя, то с течением времени он делается формальным, становится звеном в процессе всеобщей нивелировки, к которой стремилось в провинциях римское правительство. Были выработаны строго определенные формулы, с которыми обращались к императорам: «О, наиболее священный из бывших когда-либо императоров...»; «Ваше божественное и непревзойденное величество...» При этом каждого следующего императора также называли «божественнейшим из когда-либо бывших».

Поклонение императорам в Римской империи носило главным образом политический характер: соблюдение культа было своего рода проверкой благонадежности подданных. Существенно было не то, во что на самом деле верит данный человек, а то, совершает ли он определенные действия, выражающие почтение к императору. Императоры, может быть, и воспринимались массами как боги, но как боги чуждые, далекие и даже враждебные простому человеку. Однако обожествление живых правителей в известной степени способствовало распространению в народе верований в возможность появления человека, обладающего божественной силой, который с помощью этой силы уничтожит зло и насилие.

Что же могли противопоставить этой хорошо организованной, подавляющей малейшее недовольство, наделенной ореолом святости власти народные массы империи? Самым простым выходом из положения казалось приспособление к этой власти: они чтили императоров и своих богов; создавали объединения, которые организовывали празднества в честь императоров и помогали друг другу; они искали в общении друг с другом возможность уйти от официальных форм жизни.

Коллегии — объединения «малых людей» (т. е. людей, принадлежавших к социальным низам) — имели часто свои небольшие помещения — святилища, устраивали совместные трапезы. В такие коллегии входили бедняки из свободных, вольноотпущенники, иногда рабы. Божества, которых чтили объединения «малых людей» (разумеется, эти божества чтились открыто только наряду с императорами), часто отличались от богов, которым поклонялись официально в городах империи. Существовали почитатели Геракла, Приапа, Сильвана — божеств, олицетворявших силы природы. Даже среди греков и римлян получили развитие культы различных восточных божеств. Греческие и римские божества, согласно древним мифам, не были ни всемогущи, ни милосердны, им не было дела до страстей и бедствий человеческих. Низы же общества искали богов-спасителей, которые избавили бы их от тягот земной жизни и помогли бы обрести вечное блаженство и бессмертие.

Чертами спасителей наделялись прежде всего древние умирающие и воскресающие боги растительности — египетский Осирис, греческий Дионис,

образ которого к этому периоду значительно трансформировался (главным содержанием мифа о Дионисе в это время становятся рассказы о смерти и воскрешении его Зевсом), иранский бог солнца Митра. Но совмещать поклонение этим богам-спасителям с исполнением официальных обрядов часто было трудно не только психологически, но и юридически (римляне разрешали далеко не всё религиозные объединения). Поэтому многие из их почитателей образовывали тайные союзы. Они верили, что, участвуя в особых обрядовых действиях — мистериях, во время которых представлялись сцены смерти и воскресения бога, они сами становятся сопричастными богу и тем самым обретают бессмертие. Далеко не все могли попасть в подобные объединения и принять участие в мистериях; к ним допускались только избранные. Чтобы стать такими «избранными», нужно было пройти многочисленные испытания.

Власти чрезвычайно настороженно относились ко всем этим нелегальным объединениям и даже профессиональные коллегии и кассы взаимопомощи разрешали с большим трудом. Запрещая в начале II в. в одном из малоазийских городов создание коллегии пожарников, император Траян писал: «Какое бы имя и по каким бы основаниям мы ни давали тем, кто будет вовлечен в такой союз... в скором времени он превратится в тайное общество».

Таким образом, внешняя и внутренняя жизнь Римской империи не соответствовали друг другу во многих аспектах: парадное благополучие и голодные бунты; единый культ императоров и почитание множества таинственных божеств. Одни и те же люди публично выполняли официальные религиозные обряды и тайно приглашали к себе прорицателей и колдунов.

В условиях этой двойственности, противоречивости, постоянного несоответствия провозглашаемого и действительного менялись и моральные нормы. Характерной фигурой среди верхних слоев общества становится выскочка — часто из среды императорских вольноотпущенников, — который не брезгает никакими средствами, чтобы сделать карьеру. Процветали доноительство, взяточничество, угодливость перед императором и жестокость по отношению к подчиненным. Подобные люди при случае все еще произносили речи о гражданской доблести, о необходимости служения «республике», но ни они сами, ни большинство окружающих уже не воспринимали этих слов всерьез. Среди низов общества неверие в традиционную мораль, столь часто и столь открыто нарушаемую властью имущими, было не менее выраженным, чем неверие в традиционных богов античных полисов. Появлялось все больше людей, которые не хотели приспособливаться к окружающей действительности. Не имея реальной возможности освободиться от власти своих господ, рабы относились к ним с ненавистью и презрением, осуждали те блага, к которым стремились их господа. Сама жизнь представлялась им злом. Распространенным явлением

становится самоубийство рабов. Римский философ I в. Сенека писал о том, что много рабов «бросаются с крыш или пронзают себя железом». Рабыни убивали своих новорожденных детей. Нередки были случаи самоубийств и среди свободной бедноты.

Характерное для социальной психологии низов общества неприятие окружающей жизни проникало и в философию. По городам империи бродили нищие философы-кинники, называвшие безумцами тех, кто говорит о благе государства, прославлявшие крайнюю бедность, отрицавшие рабство и традиционную религию. Один такой философ-кинник, Перегрин, описанный Лукианом, кончил жизнь самоубийством, бросившись в костер. Перед самоубийством он заявил, что делает это ради людей, чтобы научить их презирать смерть и мужественно переносить несчастья. Лукиан издевается над Перегрином, как вообще над подобными бродячими философами, но и он отмечает, что смерть Перегринна произвела впечатление на окружающих.

Философы-стоики¹², в частности уже упомянутый нами Сенека, призывали не стремиться к жизненным благам, быть «равнодушными к судьбе», какая бы доля ни выпала человеку. Согласно их учению, раб тоже может обладать свободным духом; самое позорное рабство — рабство добровольное («этот вот — раб похоти, тот — корыстной жадности, а тот — честолюбия...»).

Были отдельные попытки провести в жизнь моральные принципы философии, прежде всего философии стоиков, создать такие объединения, где бы эти принципы слились с религиозными устремлениями низов. Еще в I в. до н. э., в период гражданских войн, в Филадельфии (город в Малой Азии, где впоследствии появилась одна из ранних христианских общин) было создано своеобразное религиозное объединение. Основатель его, человек по имени Дионисий (по всей видимости, какой-то религиозный философ), объявил, что он получил предписания от самого Зевса. В объединение принимали всех, независимо от пола и социального положения: мужчин и женщин, свободных и рабов. Главные требования, предъявляемые к его членам, носили нравственный характер. Вступающие в объединение должны были поклясться не замышлять и не совершать никакого коварства против других людей; не использовать ни зелья, ни волшебства; не применять самим и не помогать другим в применении средств, препятствующих деторождению, не выходить из объединения. За нарушение предписаний были установлены разные степени наказания: публичное покаяние, отлучение от святилища. Для женщин наказания были более суровы, чем для мужчин. В качестве вознаграждения за добросовестное выполнение предписаний членам

¹² Стоицизм — философское течение, возникшее в Греции еще в конце IV — начале III в. до н. э. Согласно этому учению, все люди равны перед судьбой. Мудрец должен стремиться к освобождению от страстей. Представителями римского стоицизма были Сенека, Эпиктет, Марк Аврелий.

объединения были обещаны блага, «которыми боги одаривают любимых ими людей».

Центром объединения было нечто вроде молельного дома, святилище, находившееся под надзором специального человека. Это объединение не было тайным: все его правила были выбиты на камне, а сам камень установлен в городе. Оно отражает поиски новых верований и новых моральных норм, поиски, которые были характерны для описываемого периода (конец I в. до н. э. — начало I в. н. э.) и особенно интенсивно продолжались в период империи; в нем проявилось сознание общечеловеческой общности и необходимости личной ответственности. Членам объединения запрещалось совершать магические действия. Этот запрет был своеобразной реакцией на широкое распространение магии в среде народных масс; в нем проявилось стремление заменить суеверия, отрицательно влиявшие на поведение людей, нравственными принципами.

Однако объединение, основанное Дионисием, не могло получить широкого распространения: от религии ждали не только установления норм поведения, но прежде всего спасения, помощи, опоры, а ничего этого Дионисий сколько-нибудь определенно не обещал. Религиозно-этическим союзам типа описываемого не хватало главного, к чему стремился народ, — надежды на спасение — безразлично, при жизни или после смерти. Ф. Энгельс четко охарактеризовал то ощущение безысходности, которое было свойственно разным слоям общества, и прежде всего низам, в период ранней империи. «Где же был выход, — писал он, — где было спасение для поработанных, угнетенных и впавших в нищету — выход, общий для всех этих различных групп людей с чуждыми или даже противоположными друг другу интересами? И все же найти такой выход было необходимо для того, чтобы все они оказались охваченными единым великим революционным движением.

Такой выход нашелся. Но не в этом мире. При тогдашнем положении вещей выход мог быть лишь в области религии»¹³.

Поэтому вполне естественно, что рассказы и пророчества первых христианских проповедников в городах и селах Римской империи находили отклик среди слушателей. В самой Палестине секта последователей распятого учителя была, по-видимому, не очень большой; во время иудейского восстания I в., согласно преданию, палестинские иудео-христиане (они называли себя эбионитами и назореями) переселились за Иордан. Хотя известно о существовании христиан в Палестине и во II в. (в частности, об этом говорит в своем произведении «О кончине Перегринна» Лукиан), но широкое распространение христианство там вряд ли получило: слишком сильно было влияние ортодоксального иудаизма, слишком много было разных сект и групп, соперничавших друг с другом.

¹³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 22, с. 483.

После поражения первого иудейского восстания и особенно после разгрома восстания 132—135 гг., во время которого было истреблено около 600 тыс. человек, а на месте Иерусалима была создана римская колония, трудно представить себе какую-либо возможность увеличения числа христиан в Палестине, хотя отдельные небольшие группы, не принявшие участия в восстании или отошедшие от него, могли там сохраниться. По существу, формирование идеологии христианства происходило вне Палестины. Проповеди первых последователей Иисуса большой отклик получили у иудеев, живших в разных местах восточных провинций. Иудеи обычно образовывали там свои землячества с некоторым внутренним самоуправлением, тем не менее они чувствовали себя чужаками и не пользовались полными гражданскими правами. Эта их обособленность приводила к тому, что они не теряли интереса ко всему, что происходило в Палестине, и тоже ждали прихода мессии. Но тесные контакты, экономические и культурные, с окружающим населением не могли не оказать влияния на их мировоззрение. Им, постоянно слышавшим об умирающих и воскресающих богах-спасителях, было легче поверить в воскресение распятого на кресте пророка.

Учение первых христиан и состав их общин

Особенно быстро христианство, по-видимому, начало распространяться после поражения первого иудейского восстания, когда среди переселенных и проданных в рабство иудеев могли оказаться и приверженцы Христа, заброшенные волей победителей в самые разные уголки империи. Мы знаем, что кумранские сектанты принимали участие в восстании: археологи обнаружили следы военных действий в районе их поселения. Именно в период наступления римлян они спрятали свои рукописи, которые и пролежали в пещерах почти тысячу девятьсот лет. Иосиф Флавий, участник и историограф этого восстания (он написал книгу «Иудейская война»), рассказывает о стойкости ессеев, попавших в руки римлян. Никакими пытками нельзя было заставить их отказаться от своего учения. Не исключено, что члены кумранской общины и близкие к ним по учению приверженцы Иисуса в новых условиях, оторванные от своего окружения, объединились и взаимно влияли друг на друга. Возможно также, что их проповеди воспринимались слушателями как идентичные или похожие. Это объединение кумранитов и христиан (самих проповедников или их проповедей) в сознании окружающих, с одной стороны, должно было способствовать расширению числа почитателей нового учения (т. е. христианства), а с другой — увеличивать расхождения в деталях этого учения.

Согласно наиболее ранним новозаветным сочинениям, в конце I в. христианские группы существовали в городах Малой Азии. В Деяниях

апостолов говорится, например, что само название «христиане»¹⁴ впервые появилось в сирийском городе Антиохии. Историк Тацит рассказывает о казнях христиан в Риме при императоре Нероне как виновников грандиозного пожара в столице в 64 г.¹⁵ Вероятно, достаточно рано христианство появилось и в Египте (найденные на территории Египта папирусные фрагменты христианских сочинений относятся к началу II в.). К царствованию императора Траяна (98—117 гг.) относится письмо его приближенного Плиния Младшего (названного так в отличие от его дяди, ученого Плиния Старшего), который был послан в одну из малоазийских провинций и обнаружил там (и в городах и в деревнях) группы христиан.

Однако эта география распространения христианских общин отнюдь не свидетельствует об их массовости. В I — начале II в. в каждом из городов и сельских поселений, где проповедовали христиане, они были маленькой изолированной группой, к которой неприязненно относились не только власти, но и простой люд. Хотя представления о тяготах жизни, о мире как о зле, надежда на богов-спасителей, будучи действительно массовыми явлениями социальной психологии того времени, могут рассматриваться как предпосылки принятия христианства, однако они сосуществовали с пережитками старой общинной и гражданской идеологии: с преданностью своему городу (даже если на деле такой преданности уже не было); потребностью в общественных собраниях, празднествах, почитании местных божеств — покровителей данного города или деревни (культы этих божеств играли огромную роль на протяжении всей древней истории); стремлением к приобретению хоть небольшой собственности, лучше всего участка земли; презрением к людям, не имеющим дома и семьи. Раннее же христианство отвергало всю эту привычную систему ценностей: христиане — люди без родины, пришельцы и странники на земле; они обращались прежде всего к тем, кто оказался вне существующих общественных связей, — беднякам, рабам, всем грешникам (т. е. к людям, совершившим преступления или поступки, осуждаемые существовавшими нормами поведения), к блудницам, вдовам, сиротам (т. е. к людям, лишенным семейных связей), наконец, к калекам. Привлечение в общины людей, страдающих каким-либо физическим недостатком, яркое свидетельство того, что христиане не принимали не только социальное неравенство, господствовавшее в окружающем мире, но и всю систему общественных идеалов.

В античном мировоззрении преклонение перед физическим совершенством человека играло большую роль. В классических

¹⁴ Христиане — последователи Христа; Христос — буквальный перевод еврейского слова «машиах» — помазанник, в греческой передаче — мессияс, откуда и произошло слово «мессия».

¹⁵ Некоторые ученые считают, что в Риме в 64 г. не могло быть много христиан и что Тацит, писавший в начале II в., называл христианами приверженцев разных восточных культов.

городах-государствах Греции идеалом гражданина был гармонично развитой, «прекрасный и благородный» человек, сильный разумом и телом. И хотя в условиях империи полисы давно потеряли независимость и отпала потребность в могучих, ловких, преданных своему городу гражданах — защитниках от внешнего врага, но идеал этот продолжал существовать.

Отражая традиционное античное отношение к физической красоте, критик христианства Цельс писал, что, если бы дух божий действительно воплотился в человеке, он выбрал бы статного, красивого, сильного человека, обладающего красноречием. Один из аргументов, выдвигаемых Цельсом против божественности Иисуса, и заключался в том, что, по рассказам, Иисус был некрасив и мал ростом («Правдивое слово», III, 4, 84).

Хромые, слепые, физически уродливые презирались не только в греческом мире; кумраниты, как уже отмечалось, также считали их «нечистыми». В системе античных общественных отношений приниженное положение занимали и женщины. Хотя в первые века империи женщины вступали в различные религиозные союзы и были даже отдельные случаи, когда они становились членами полуофициальных общественных объединений, например союзов старейших граждан, но ни в каких органах управления женщины участия не принимали. Они были отстранены и от некоторых празднеств. В частности, женщины не могли присутствовать в качестве зрительниц на Олимпийских играх. Особенно трудно жилось женщинам из небогатых слоев, лишенным семейных связей. Достаточно вспомнить знаменитый эпизод с грешницей из Евангелия от Иоанна: толпа хотела побить камнями женщину, совершившую прелюбодеяние. Иисус же сказал: «Кто из вас без греха, первый брось на нее камень (8:7)». А в Евангелии от Луки рассказано, как блудница омыла ноги Иисуса миром (ароматическим маслом), а окружающие возмущались, что он позволяет грешнице касаться себя. Иисус же, согласно этому рассказу, простил грехи женщине «за то, что она возлюбила много» (7:37—47). Эти эпизоды отражают и общественное мнение о таких женщинах, и отношение к ним христиан.

Такое резкое противопоставление своей веры и своего морального кодекса всем нормам поведения, стремлениям и идеалам, освященным традицией и казавшимся разумными, не могло не сдерживать приток новых приверженцев в христианские общины. «Неразумность» христиан вызывала возмущение у первых их критиков. Цельс писал, что христиане «никогда не присоединяются к собранию разумных людей и не смеют среди них обнаруживать свои взгляды». Он хорошо уловил разницу между союзами почитателей античных божеств и христианством. Первые обращаются к тем, писал он, «у кого руки чисты и речь разумна» или «чья душа свободна от зла, кто прожил хорошо и справедливо». Христиане же, по словам Цельса, поступают иначе: «кто грешник, говорят они, кто неразумен, кто недоразвит, попросту говоря, кто негодяй, того ждет царствие божие».

Христианской религии нужно было пройти сложный путь

приспособления к окружающему обществу, а обществу — пережить и осознать крах античных мировых порядков, чтобы эта религия смогла стать господствующей и государственной.

Итак, во второй половине I в. в отдельных районах Римской империи возникают пока еще малочисленные объединения христиан. Мы знаем о них немного, потому что свидетельства христианской литературы больше касаются вероучения, чем организации христианских общин. Но кое-что сказать о них все-таки можно. Формой организации людей из социальных низов были в Римской империи различные коллегии (о них мы уже упоминали); существовали также собрания верующих иудеев — синагоги (греческое слово «синагога» означает «сходка», «собрание»). Языческие религиозные союзы назывались по-разному (фиас, койнон). Возможно, христиане использовали эти формы объединения, но называли их иначе — эkkлeсия (затем это слово стало означать «церковь»; так оно и переведено в русском варианте Нового завета). Буквально же «эkkлeсия» означает «собрание» — так в греческих городах называлось народное собрание, один из основных органов самоуправления. Это был не религиозный, а политический термин. То, что христиане в грекоязычной среде стали называть свою общину не коллегией, не фиасом, не союзом, а собранием, было выражением внутреннего противопоставления их эkkлeсии, эkkлeсии верующих, — эkkлeсии земной, града божия — граду (полису) земному.

Христиане принимали всех, кто приходил к ним; они не скрывали своей принадлежности к новой религии. Когда кто-нибудь из них попадал в беду, они тут же приходили на помощь. Лукиан рассказывает, что философ Перегрин, бывший одно время руководителем христианской общины в Сирии, оказался в тюрьме. Остальные христиане всячески старались выразить ему свою солидарность.

«Уже с самого утра можно было видеть у тюрьмы каких-то старух, вдов, детей-сирот. Главари христиан даже ночи проводили... в тюрьме, подкупив стражу...» — пишет Лукиан. Но при всей «открытости» своих общин христиане не совершали публичных богослужений, не принимали участия в полисных празднествах. Их религиозные собрания были для них таинством, которое нельзя вершить на глазах у непосвященных. Они внутренне отделяли себя от окружающего мира; именно в этом заключалась тайность их учения, которая беспокоила власти и вызывала осуждение со стороны многих образованных людей того времени. Когда наместник одной из провинций запретил какие бы то ни было тайные общества, христиане этой провинции перестали собираться. Они не выступили против распоряжения правителя, но и собираться открыто тоже не могли: слишком отличным было их учение от культов языческого мира, оно требовало иных форм общения, чем празднества в честь полисных богов. Обвинение в секретности стало поэтому одним из распространенных обвинений, которые бросали христианам их противники. Цельс с возмущением писал, что христиане не сооружают

«жертвенников, статуй и храмов; вместо этого признаком общности культа служит у них уговор насчет скрытого тайного сообщества». Даже в начале III в., когда христианство было уже достаточно широко распространено, его приверженцы избегали публичности. Один из критиков христианства, чьи слова приводит Минуций Феликс, с возмущением восклицал: «В самом деле, для чего они всячески стараются скрывать и делать тайною для других то, что они почитают, когда похвальные дела совершаются обыкновенно открыто и скрываются только дела преступные?.. Почему они не осмеливаются открыто говорить и свободно устраивать свои собрания?..»

Внутри первых христианских общин шла непрерывная борьба по разным вопросам поведения и отношений с внешним миром. В Апокалипсисе Иоанна упоминаются пророки Валаам и Валак, которые ввели в соблазн «сынов израилевых» в Пергаме и научили их есть «идоложертвенное» и «любодействовать». То же самое сделала пророчица Иезавель в Тиатирах. На первый взгляд кажется не вполне ясным, почему столько внимания уделено проблеме «идоложертвенного» (этот вопрос возникает и в посланиях Павла). Между тем отказ есть «идоложертвенное» был не просто выражением презрения к языческим обрядам, но и более существенной проблемой отношений с внешним миром. Дело в том, что во время общественных празднеств богествам приносились в жертву животные, а затем устраивались общественные трапезы, на которых поедалось мясо жертвенных животных. В этих трапезах принимали участие самые разные слои населения. Из надписей римского времени мы знаем, что были празднества, к участию в которых допускались даже люди, живущие в данном городе, но не являющиеся его гражданами, и рабы. Эти празднества призваны были служить средством сплочения населения города. Они давали также возможность подкормить наиболее бедные слои населения. Для многих бедняков и рабов поедание «идоложертвенного» было единственной возможностью отведать мясной пищи. Но в то же время вкушать его — означало приобщаться к обрядовому действу «языческой» религии. Вероятно, Иезавель и Валаам разрешали христианам есть жертвенное мясо, выражая интересы неимущей части членов общины. «Любодействие» их, возможно, было связано с отсутствием семьи у многих рабов и нищих бродяг, входивших в христианские общины. Это могло быть также способом выражения неприятия традиционных форм семейных отношений. Но для автора Апокалипсиса Иоанна и «любодействие» как земной грех, и вкушение «идоложертвенного» — действия совершенно неприемлемые.

В посланиях Павла вопрос об «идоложертвенном» решается иначе. Если христианин приходит домой к язычнику, то он может есть любое мясо, не спрашивая о его происхождении. Но если хозяин скажет, что мясо — от жертвенного животного, то христианин должен отказаться от его вкушения, и то не из-за боязни оскверниться, а чтобы не подавать соблазна «ни иудеям, ни еллинам, ни церкви божией» (I коринфянам, 10:32). Другими словами, важно

лишь неучастие в обрядовых действиях язычников, которое может быть расценено как отречение от христианства. Здесь, как и в вопросе о браке (Павел считал допустимым сохранять брак с язычником) и многих других, Павел пытается определить самое сложное — отношения христиан с внешним миром, и если не включить их в этот мир, то хоть найти возможность сосуществования.

Социальный состав первых общин мы можем определить лишь приблизительно: там были рабы (вопрос о том, как поступать рабам и с рабами, обсуждается в посланиях апостолов), бедняки («Знаю твои дела, и скорбь, и нищету», — пишет автор Апокалипсиса христианам Смирны); но были и люди зажиточные, по тем или иным причинам отвергнутые окружающим обществом (калеки, блудницы...). Все же выходцы из социальных низов преобладали в общинах I в. Это отражено и в первом послании к коринфянам, где Павел выговаривает общине, что во время собраний «всякий поспешает прежде других есть свою пищу, так что иной бывает голоден, а иной упивается» (11:21). Вероятно, совместные трапезы были для некоторых христиан единственной возможностью утолить голод.

Уже в конце I в. христианские общины различались по этническому составу. Апокалипсис адресован христианам иудейского происхождения, жившим в малоазийских городах. Автор этого произведения называет тех, которые «говорят, что они иудеи, а они не таковы» (т. е. не придерживаются основных требований иудейской религии), сборищем сатанинским. И новозаветное послание к евреям, и фрагменты ранней иудео-христианской литературы свидетельствуют о том, что было значительное число христиан иудейского происхождения. Но христианская проповедь привлекала к себе и выходцев из других народностей; недаром Павел активно выступал против соблюдения иудейской обрядности, подчеркивал необходимость проповеди среди язычников. В посланиях, написанных от его имени, упомянуто довольно много разных имен христиан, среди которых явно преобладают греческие имена; есть имена рабские, имена вольноотпущенников. Любопытно, что встречается и одно прозвище — «филолог». (К римлянам, 16:15). Такие прозвища обычно давались представителям рабской интеллигенции. Автор послания к колоссянам в отношении двоих упоминаемых им лиц специально оговаривает, что они оба «из обрезанных» (Марк, племянник Варнавы, и Иисус, прозванный Юстом), т. е. из иудеев. В кругу христиан, из которого вышли послания, иудеев было мало. Следует также отметить, что в послании к римлянам, где упомянуто довольно много имен, римских имен мало, да и не все те, которые встречаются, относятся к коренным римлянам (Юния — родственница автора письма; некая Юлия, скорее всего, вольноотпущенница). По-видимому, в Риме (а возможно, и в других городах) христианами становились главным образом чужаки, переселенцы, не связанные с собственно римскими традициями и обычаями.

В научной литературе распространено мнение, что среди христиан

преобладало городское население. Однако нельзя забывать, что когда в древности говорили «Смирна», «Эфес» или «Антиохия», то имелся в виду полис, т. е. город с сельскохозяйственной округой, неотъемлемой частью этого города. Поэтому когда речь идет об «эфесской» еkkлeсии или о послании к фессалоникийцам, то могут подразумеваться не только жители собственно города, но и прилегающих сельских местностей: батраки, арендаторы, мелкие земледельцы. Плиний Младший писал в начале II в. императору Траяну о христианах: «Зараза этого суеверия прошла не только по городам, но и по деревням и поместьям...» Даже если допустить, что в своем письме Плиний преувеличивает распространенность христианства, чтобы привлечь к нему внимание императора, трудно предположить, что его упоминание о христианах в деревнях просто вымысел.

Один из важных вопросов, который встает перед историками раннего христианства, — существовала ли у христиан общность имущества. Представление о такой общности основывается на двух местах из Деяний апостолов, где описывается христианская община в Иерусалиме вскоре после распятия Иисуса. В одном из этих мест сказано: «Все же верующие были вместе и имели все общее...» (2:44). В другом отрывке указывается, что люди, владевшие землями или домами, при вступлении в общину продавали их и приносили в общую кассу деньги, полученные от продажи. Сразу вслед за этим утверждением приводится история Анания и Сапфиры, которые утаили часть денег, полученных за проданное имение, и были наказаны за это смертью.

Для определения степени достоверности этих свидетельств нужно иметь в виду, что они относятся к общине в Иерусалиме, основанной, согласно традиции, ближайшими учениками Иисуса. Эта община должна была служить образцом для других христианских еkkлeсий. Всё описание общины — ее многочисленности, зависти первосвященников, чудес, совершаемых апостолами, — явно рассчитано на то, чтобы поразить воображение слушателей и читателей, показать идеальную общину, где не было нуждающихся, где малейший обман карался самим богом, где все добровольно отдавали в общее пользование свое имущество. Между тем конкретный пример пожертвования приведен в Деяниях только один: Иосия, прозванный Варнавой, продал землю и деньги отдал апостолам (4:36—37). Когда же речь идет о реальных общинах, то замечания, рассыпанные в посланиях, создают совсем другую картину. Большинство этих общин были бедны. Автор Павловых посланий, переходивший из общины в общину, предстает человеком нуждающимся: немногие общины имели возможность помогать ему. В послании к филиппийцам выражается благодарность им за помощь. Автор пишет, что, когда он вышел из Македонии, ни одна община не оказала ему помощи «подаванием и принятием»; христиане же города Филиппы посылали ему подавание даже в другой город.

Отсутствие общности имущества во времена написания посланий ясно

видно из того, что в первом послании к коринфянам рекомендуется перед совместной трапезой есть дома («Разве у вас нет домов на то, чтобы есть и пить?»), и из того, как, согласно тому же посланию, собираются взносы на общие нужды («При сборе же для святых поступайте так, как я установил в церквах Галатийских. В первый день недели каждый из вас пусть отлагает у себя и сберегает, сколько позволит ему состояние...» (16:1—2)). Между прочим, подаяние, о котором идет речь, по словам автора послания, будет доставлено в Иерусалим. По-видимому, те немногие христиане, которые жили в Иерусалиме перед его разгромом римлянами, нуждались в подаянии со стороны внепалестинских христиан. Иерусалимская община, таким образом, не была такой процветающей, как это изображено в Деяниях апостолов.

Пестрый во всех отношениях состав ранних христианских общин не позволял создать организацию столь же сплоченную, как община кумранитов. Жившие в разных местах, служившие разным господам, христиане могли, по-видимому, только урывками собираться, чтобы слушать своих пророков и совершать общие трапезы за счет нерегулярных сборов — от каждого по его состоянию. Взносы, по всей вероятности, делали все — деньгами, натурой, трудом (требование трудиться проходит через все раннехристианские произведения).

Религиозная деятельность в первых еkkлeсиях сводилась к общим собраниям, часто ночью, за городом, на кладбищах, а в Риме — в подземельях. Первые обряды, о которых можно говорить с определенностью, — это крещение и вкушение вина и хлеба (в первом послании к коринфянам автор обстоятельно разъясняет верующим мистический смысл этого вкушения). Плиний Младший пишет, что, согласно показаниям христиан, они обычно собирались по определенным дням до рассвета, воспевали Христа, клятвенно обязывались воздерживаться от воровства, грабежа, прелюбодеяния и т. п.; затем они расходились и приходили опять для принятия пищи — «обычной и невинной».

Отсутствию в общинах христиан конца I в. четкой экономической организации и сложной обрядности соответствовало отсутствие отчетливо выраженного аппарата управления общинами.

Организация христианских общин

О первоначальной организации христианских еkkлeсий известно мало. Автор Апокалипсиса обращается к «ангелам» различных еkkлeсий («ангелу эфесской церкви напиши...», «ангелу смирнской церкви напиши...»). В научной литературе нет твердого мнения, кто подразумевается под словом «ангел» (дословно — «вестник»; вероятно, это слово употреблено здесь именно в этом, нерелигиозном смысле). Возможно, речь идет о выборных руководителях общины. То, что они, в отличие от упомянутых затем

пророков, не названы по имени, показывает, что эти люди еще не играли сколько-нибудь значительной роли в еkkлeсиях.

В посланиях Павла неоднократно упоминаются «апостолы», которые переходили из общины в общину. Значение этого слова первоначально было более широким. Оно не обязательно относилось к ученикам Иисуса. «Апостол» — дословно «вестник», «посол»; христиане употребляли это слово в значении «посланец божий». Поэтому те, которые считали себя такими посланцами, именовали себя апостолами (как это делал и Павел). Лишь позже апостолами стали называть тех, кто по традиции считались непосредственными учениками Христа (Павел в силу его роли в становлении ортодоксального христианства также сохранил этот титул).

Четко оформленной организации еkkлeсии не имели (по-видимому, в ней не было еще потребности). Большинство христианских общин чувствовали себя единым «народом Божиим»; они жили в ожидании скорого второго пришествия, и наиболее желанными гостями были у них переходящие с места на место пророки, возвещавшие это пришествие. Пророки были разные, и в одной и той же общине могли быть поклонники различных пророков, как это видно из угроз автора Апокалипсиса и из увещаний Павла. Враждующие пророки объявляли друг друга лжепророками. Одной из проблем, которая серьезно обсуждалась в христианской литературе I — начала II в., была проблема распознавания лжепророков и борьбы с ними. В первом послании Иоанна сказано: «Возлюбленные! не всякому духу верьте, но испытывайте духов, от бога ли они, потому что много лжепророков появилось в мире» (4:1).

Постепенно возникла потребность в авторитетных руководителях общин, которые регулировали бы отношения христиан между собой и с внешним миром. Автор посланий Павла в соответствии со своим стремлением найти приемлемое организационное решение в условиях постоянной борьбы между пророками указывает, что лица, стоящие у руководства, должны добросовестно выполнять каждый свою функцию, что они должны не разрушать, а поддерживать единство в общинах, ибо «много членов, а тело одно». В первом послании к коринфянам сказано, что одних бог поставил апостолами, других — пророками и учителями, «иным дал силы чудодейственные, также дары исцелений, вспоможения, управления, разные языки» (12:28). Ясно, что автор послания пытается убедить свою паству соблюдать некое «разделение труда» и не претендовать каждому на истолкование учения и на верховное руководство общиной.

Интересно отметить, что, согласно этому посланию, дар управления дан не всем. Это, была, вероятно, одна из первых попыток установить в общинах постоянное руководство. Такое руководство появлялось в разных общинах в разное время. В послании Павла к ефесянам, которое считается в научной литературе самым поздним из новозаветных посланий Павла, дается иной перечень должностных лиц в общине. Там названы апостолы, пророки,

евангелисты, пастыри и учителя. В этом наборе, по-видимому, именно пастырям уготована роль главных руководителей общин. Любопытно появление термина «евангелисты». Возможно, здесь имеются в виду те люди, которые стали во второй половине I в. записывать поучения Христа и рассказы о его жизни. Во втором послании к Тимофею (4:5) автор, обращаясь к адресату, говорит: «Совершай дело благовестника (евангелиста. — *И. С.*)». Евангелия Тимофея мы не знаем, но не исключено, что адресат послания производил какие-то записи христианских сочинений.

В Деяниях апостолов применительно к иерусалимской общине говорится об апостолах и пресвитерах. К функциям апостолов (в частности, Павла) относилось рукоположение, т. е. назначение, введение в должность пресвитеров христианских общин. Наукой установлено, что пресвитеры в I в. были только в отдельных еkkлeсиях, существовавших в некоторых городах восточных провинций. Возможно, автор Деяний апостолов поместил их в иерусалимскую общину в назидательных целях — в качестве образца для подражания.

Пресвитеры не сразу вытеснили из жизни христианских общин бродячих проповедников. Какое-то время они сосуществовали. В Деяниях апостолов наряду с пресвитерами упоминаются еще пророки и учителя. Ко II в. в христианских общинах появляются епископы и диаконы. Они названы уже в послании Павла к филиппийцам. Послание адресовано всем «святым с епископами и диаконами». Возможно, филиппийская община была первой, где появились эти должностные лица. Но в ряде других мест Нового завета слово «епископ» не имеет значения должностного лица и обозначает просто «блюститель» (I Петра, 2:25; Деяния, 20:28).

Наиболее полно организацию общины мы можем представить себе по не признанному каноническим произведению Учение двенадцати апостолов, или Дидахе. Точная дата написания Дидахе не установлена; некоторые ученые датируют это произведение концом I в., другие — второй четвертью II в. Есть мнение, что если даже Дидахе было написано во II в., то отражает оно отношения в какой-то из периферийных общин (предположительно в Сирии), где дольше сохранились черты первоначального христианства. В этом произведении устанавливаются правила поведения членов общины. В частности, говорится об обязанности трудиться, о необходимости помогать нуждающимся, не спрашивая о том, что кому принадлежит. В Дидахе упоминаются странствующие пророки и апостолы. Один из вопросов, который разбирается там, — кого нужно считать ложным пророком, а кого — истинным. Лжепророки узнаются по поведению: странствующий апостол или пророк не должен оставаться в общине больше двух дней; уходя, он может взять хлеб; но если попросит денег, то он лжепророк; если во время своих пророчеств он устраивает трапезу для бедных, но сам не ест, то он пророк, если же сам ест, то это уже лжепророк (по-видимому, считалось, что одержимому видениями проповеднику не до еды). В этих наивных правилах

отразилась и сравнительная бедность общин, в которых создавалось Дидахе, и обилие проповедников, в том числе и таких, которые были не прочь поживиться за счет верующих.

Наряду со странствующими пророками появляются уже пророки, постоянно живущие в общинах. Некоторые из них занимались производительным трудом (Дидахе разрешает пророку поселиться в качестве ремесленника¹⁶), но были такие «истинные пророки», которые жили в общинах за счет сборов с верующих: для содержания их отдавалась часть первого сбора хлеба, шерсти, первый приплод скота (состав взносов показывает, что среди христиан были и сельские жители), а также часть серебра и остального имущества, «сколько найдете нужным». Размер сборов определялся каждой общиной самостоятельно.

Кроме пророков в общинах, которым адресовано Дидахе, были также епископы и диаконы. В произведении содержится призыв рукополагать епископов и диаконов, т. е. постоянных должностных лиц, надзиравших за внутренней жизнью общины. Это должны быть люди кроткие, не любящие деньги, верные, испытанные. Указаны и их дополнительные функции: они могут исполнять службу учителей и пророков, т. е. проводить богослужения, ведать вопросами вероучения. Различные обязанности, выполнявшиеся многими людьми, начинают сосредотачиваться в одних руках.

Должности епископов и диаконов на рубеже I—II вв. были новыми, эти должностные лица почитались меньше, чем традиционные пророки и учителя. Дидахе призывает верующих не презирать их, так как они «ваши почтенные, наряду с пророками и учителями». Епископами, по-видимому, становились прежде всего люди зажиточные. В первом послании Павла к Тимофею одобряется появление епископата («если кто епископства желает, доброго дела желает» (3:1) и подробно разъясняется, каким должен быть епископ: честным, трезвым, несварливым, некорыстолюбивым, детей содержащим в послушании, хорошо управляющим своим домом. Из перечня этих качеств видно, что первоначальные функции епископов были чисто управленческие, поэтому было желательно, чтобы он умел вести хозяйство.

Во II в. среди христиан все больше появляется зажиточных людей. Общий кризис античного мировоззрения, гнет императорской власти способствовали увеличению числа приверженцев этой религии среди разных слоев населения. Еще Плиний отмечал, что в числе христиан оказались римские граждане. А в восточных провинциях, основная масса жителей которых считалась подданными Рима, римские граждане принадлежали к привилегированным группам. Цельс, при всем своем неприятии христиан, все-таки признавал, что среди них встречаются дельные люди (с точки зрения

¹⁶ Поселяться в качестве земледельца было гораздо сложнее: приобретение земли на территории города или сельской общины было затруднено для не граждан и не членов данной общины.

Цельса, это люди прежде всего разумные, образованные). Естественно, что именно такие люди, более образованные и более опытные в области управления, заняли прочные позиции в руководстве многими (но не всеми) общинами. Усилению их позиций способствовал общий спад пророческого движения, надежд на скорое второе пришествие, все возрастающая необходимость приспособления к существованию в рамках Римской империи.

Отдельные церковные деятели начинали выступать за единовластие епископа, которому должны подчиняться остальные должностные лица общины — пресвитеры и диаконы. Например, в написанных во II в. посланиях христианского деятеля Игнатия, которые не были канонизированы, но пользовались авторитетом в ортодоксальных церквях, настойчиво рекомендуется установление «монархического епископата», проповедуется единство общины во главе с епископом, уважение к епископам (единому богу на небесах должен соответствовать один глава объединения христиан). Послания рисуют становление единой власти епископов и в то же время косвенно свидетельствуют о том, что эта власть наталкивалась на определенную оппозицию (отсюда призывы Дидахе не презирать, а Игнатия — уважать епископов).

Епископы постепенно становятся руководителями общин во всех вопросах, в том числе в вопросах вероучения и, как уже отмечалось, в определении авторитета «священных» книг. Но появление в христианских общинах аппарата управления не устранило борьбы внутри христианства; только если во времена Апокалипсиса Иоанна разногласия проявлялись внутри отдельных общин, то теперь они возникают между общинами, определяются различные направления, или, как называют их теологи, ереси, в развитии христианства. Эти направления достаточно четко выразились в апокрифической литературе.

Последний вопрос, который необходимо разобрать, прежде чем перейти к характеристике этой литературы, — это вопрос об изменении отношения христиан к окружающему их обществу, к римскому государству и, с другой стороны, об отношении римского общества и государства к христианам в период создания ранней христианской литературы, т. е. в I—II вв.

Отношение к внешнему миру у христиан конца I в. было достаточно разноречиво. Иудео-христиане, связанные с ессейскими традициями, ненавидели своих поработителей. В Апокалипсисе Иоанна Рим рисуется в виде блудницы, сидящей на семиголовом звере. Город Пергам, резиденцию наместника провинции Азия, автор Апокалипсиса называет местом, где находится «престол сатаны». В посланиях же Павла содержатся призывы к подчинению властям: «Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от бога; существующие же власти от бога установлены». Необходимость повиновения автор этого послания оправдывает тем, что «начальствующие страшны не для добрых дел, но для злых». (К римлянам, 13:1—3). Таким образом, выдвигая одни и те же проблемы, разные группы

христиан и проповедники решали их по-своему; для автора Апокалипсиса и его единомышленников главным было ожидание второго пришествия, страшного суда; для автора посланий (это же можно проследить и в некоторых текстах новозаветных евангелий) главное было в духовном преобращении, в вере, а не в реальном изменении положения изгоев после установления царства божия на земле. Обе эти тенденции можно проследить и по апокрифической литературе, где они были выражены еще более прямолинейно.

В течение I—II вв. параллельно со складыванием в христианских общинах постоянного аппарата управления, со становлением новозаветной литературы все яснее определялось направление, которое выступало за сближение с римским государством, за подчинение его распоряжениям, если только они не касались культовых вопросов. В основе социальной концепции этого направления лежала посылка о божественном происхождении всякой земной власти (правда, при сохранении притягательной для народа идеи, что земные владыки так же подчинены воле божией, как и нищие). Тертуллиан в начале III в. уже прямо писал, что христиане молятся «об императорах, об их министрах, о всех властях...» («Апология», XXXIX).

Отношение последователей нового учения к нехристианам определялось чувством внутреннего превосходства, которым они компенсировали ощущение своей приниженности в реальной жизни. Они, естественно, не принимали культов языческого мира, однако полностью игнорировать их не могли. В первом послании к коринфянам, где обсуждается вопрос об идоложертвенном, Павел пишет, что язычники приносят жертвы бесам, а не богу и что нельзя быть в общении с бесами (в греческом подлиннике — с демонами). Таким образом, в восприятии христиан языческие божества были демонами. Отвергая поклонение им, люди того времени не могли отрицать их существования, они только «переворачивали» свое отношение к ним. Уже в ранний период развития христианства мы видим те пути, по которым шло влияние на это учение язычества: одни божества превращались в сознании христиан в злые силы, другие, наиболее популярные среди новообращенных, сливались в их представлении со святыми и ангелами.

Вне вопросов культа реальная необходимость в постоянном общении с язычниками вынуждала большинство христианских общин проявлять терпимость. Этому способствовало и отсутствие замкнутости христианских организаций, обращение их проповеди ко всем, кто был готов признать новое учение (Павел в послании к римлянам, оправдывая необходимость проповедовать христианство всем народам, писал: «Я должен и еллинам и варварам, мудрецам и невеждам» (1:14).

Отношение государственной власти к христианству на протяжении I—II вв. менялось мало. Как считает подавляющее большинство ученых, императоры не выделяли христиан из общего числа приверженцев восточных культов. Никаких специальных постановлений против христиан в империи не

было вплоть до их массовых гонений в III в. Казни христиан при Нероне, по свидетельству Тацита, были вызваны необходимостью найти виновников пожара в Риме¹⁷. Трудно было найти более подходящий объект для вымещения недовольства римского люда: почитатели тайных культов, объявившие божеством человека, распятого как раба, чужаки, тайно собиравшиеся на кладбищах (сразу возникали представления об общении с темными духами), — христиане вызвали настороженное отношение со стороны окружающих.

В начале II в., как мы уже говорили, «христианская проблема» была поставлена перед императором Траяном его представителем Плинием, посланным в малоазийскую провинцию, называвшуюся Вифиния и Понт. Плиний разбирал дело о христианах на основании анонимного доноса. Он заставлял христиан поклоняться изображению императора; те, которые отрекались от своей веры, освобождались из заключения. Плиний спрашивал у императора, правильно ли он поступает с христианами. Траян, один из наиболее деловых и реалистически мыслящих римских правителей, прекрасно понимал, что ни он сам, ни его администрация не могут контролировать образ мыслей своих многочисленных подданных, регулировать огромное число разных верований; ему была важна лояльность жителей Римской империи и подчинение приказам. Поэтому Траян дает следующее распоряжение Плинию: «Выискивать их незачем; если на них поступит донос и они будут изобличены, их следует наказывать, но тех, кто отречется, что они христиане, и докажет это на деле, т. е. помолится нашим богам, следует за раскаяние помиловать, хотя бы в прошлом они и вызывали подозрение».

Отношение центральной власти к христианам в I—II вв. диктовалось скорее политическими, чем религиозными соображениями. Были периоды, когда власть надолго забывала об их существовании, но в провинциях отдельные наместники, исходя из конкретных условий, могли преследовать христиан или отдельных христианских проповедников (судя по скудным данным источников, последнее было более распространено). В Апокалипсисе Иоанна говорится, что в Пергаме умерщвлен «верный свидетель мой Антипа» (но сама христианская община продолжала существовать). Апостола Павла, по преданию, заключали в темницу. В первые десятилетия и даже века распространения христианства враждебные действия против христиан часто были результатом недоверия и стихийных действий окружающего населения. В посланиях и Деяниях апостолов много раз проскальзывают упоминания о недоброжелательности толпы или отдельных людей по отношению к почитателям Иисуса Христа. Против проповеди Павла выступали иудеи в Фессалониках, над ним смеялись греки в Афинах. Почитатели Артемиды в Эфесе схватили его спутников. Разумеется, во всех этих рассказах роль

¹⁷ Народная молва, хотя, вероятно, и необоснованно, таким виновником называла самого императора; рассказывали, что, наблюдая пожар издали, он сочинял песню о пожаре в Трое.

христиан явно преувеличена, равно как и принципиальный антихристианский характер этих выступлений. Это были скорее выступления против чужаков, отрицавших традиционные культы и обычаи. Власти в одних случаях наказывали христианских проповедников, в других — если ситуация казалась им опасной — разгоняли толпу.

В конце II в. было издано постановление, запрещавшее введение новых культов, которые давали повод к народным смутам. Отказ почитать «божественных императоров» и полисных богов давал такой повод. В 177 г. в Лионе были осуждены на смерть и на тюремное заключение наиболее фанатично настроенные христиане (их стали называть «лионскими мучениками»), хотя сама христианская община там сохранилась.

Отношение к христианам образованных людей, связанных с античным миропониманием, с античной философией, немногим отличалось от отношения рядовых жителей империи. Плиний пишет, что, расследуя дело о христианах, он не обнаружил ничего, кроме уродливого суеверия. Тацит называет христианство «зловредным суеверием». Об отношении античных писателей II в., создававших специальные произведения, направленные против христиан, мы уже говорили. Но чем больше изживали себя рабовладельческое общество и античное миропонимание, тем больше людей, в том числе и образованных, шло к христианам. В первой половине II в. среди христиан выделяется Юстин, получивший философское образование и учредивший христианскую школу. Юстин был одним из первых апологетов (защитников) христианства. На рубеже II—III вв. писал крупнейший апологет христианства — Тертуллиан, тот самый, которому приписывают слова: «Верую, потому что абсурдно». Появляются в это время и теоретики христианства, создававшие систему христианского богословия и стремившиеся подчас согласовать христианство с античной философией. Но это уже было время, когда христианство вступило в новую фазу своего существования, когда сложилась церковная организация, когда догматика и обрядность устанавливались богословами и руководителями церкви; время, когда, как уже было сказано, отбирались и канонизировались «священные» книги. Период, который принято называть первоначальным христианством, завершился.